

Александр Бернштам

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

В ПЕРВОМ томе «История Киргизской ССР» (Фрунзе, «Кыргызстан, 1984 г.), содержащем обширный историко-графический очерк имени Александра Натановича Бернштама упоминается более, чем на двадцати страницах, примерно столь же часто, как и имя... Чынгизхана. Для сравнения напомним, что Улугбек упомянут там всего трехкратно, а столь дорогого ошанам имя Захириддина Бабура встречается там восемь раз, и в этом смысле Бабур оказался по рейтингу равен... Александру Македонскому. Разумеется, эти сугубо количественные оценки отнюдь не «табеля о рангах». В другом сводном труде, посвященном тому же периоду истории нашего Отечества (с древнейших времен до середины XIX века) соотношения могут быть иными. И все же... Александр Македонский, Чынгизхан, Захириддин Бабур — создатели империй. А что создал в конечном итоге Александр Бернштам? Ряд научных трудов? Большая их часть рассеяна по множеству малодоступных широкой публике изданий, всякого рода «сборником трудов», «ученым запискам» и т. д. Научная школа, то есть направление, в данном случае — и истории или

этнографии Н. Г. Горбунова в статье «А. Н. Бернштам — исследователь древних культур Средней Азии», открывающей сборник «Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня» (Бишкек, «Илим», 1995 г.) охарактеризовала его так: «...Востоковед, археолог, этнограф — был ученым широкого профиля, огромного кругозора, необычайной целеустремленности. Он привлекал к той блестящей плеяде молодых ученых, научный рост которых проходил в период становления советской исторической науки. Бурные дискуссии 30-х годов, увлечение социологическими построениями, категоричность и безапелляционность суждений — вот та обстановка, в которой начался путь Александра Натановича как ученого. В 30-е годы он пишет работы «О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса», «Ленин и история народов Советского Востока», «Проблема распада родовых отношений в кочевников Азии» и др. Главный же научный интерес А. Н. Бернштама — интерес к проблеме истории и этнографии тюркских народов» проявился значительно раньше...

В науку А. Н. Бернштам действительно входил резко, хотя и

намация которого произошла спустя почти два десятилетия в работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Да, врановато вышел из жизни Н. Я. Марр... Ну, а Александр Натанович, надо полагать, ряд лет вырочала не столько марксистская ортодоксальность (к ней в ту пору чистосердечно либо же в силу обстоятельств тяготели советские историки), сколько спасительное увлечение археологией. Началось же оно еще в аспирантуре (1931—1934 г.г.). Его наставниками оказались опытные тюркологи С. Е. Малов и А. И. Самойлович, под руководством которых он овладел чтением древнетюркских рунических текстов. Оттуда же берет начало интерес его к истории раннесредневекового государства енисейских тюрков — от создания до распада. Итог — монография «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков в VI—VIII вв.» (1946 г.). Вослед ей — «Очерк истории гуннов» (1951 г.) — первая в науке сводка письменных и археологических источников о гуннах от времени их появления на северной границе Китая до крушения Рима...

Откажемся от попытки охарактеризовать круг интересов А. Н. Бернштама в

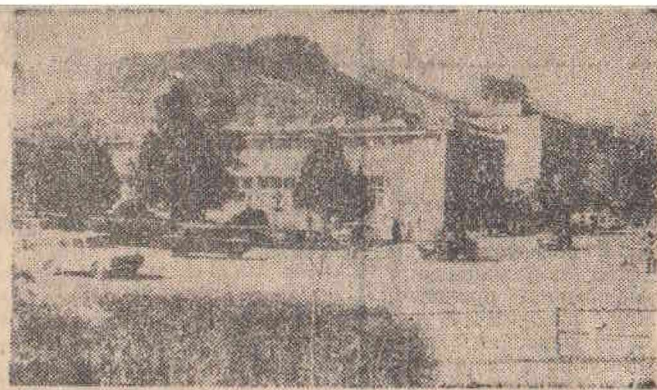
зрениям кажутся сегодняшним студентам иные страницы трудов А. Н. Бернштама. Да, взглядывался в прошлое, все мы пытаемся взять у истории урок, предугадать еще и будущее. Сколь непохожим оказывается затем оно на то, каким мнилось нам в советские вены пророчествах...

Как пример щедрости таланта и широты научных интересов А. Н. Бернштама приведем такой факт. Буддийские памятники Средней Азии — далеко не центральное направление его исследований. Между тем, Б. Ставиский в статье «А. Н. Бернштам и изучение буддийских памятников Средней Азии» приводит в списке литературы к своей статье два десятка работ Александра Натановича, хотя и не ставил себе целью дать полный их перечень.

В статье есть следующие выводы: «...Находки и открытия полностью подтвердили вывод А. Н. Бернштама о мощной струе влияния в Семиречье буддийской культуры Синьдзяня (а через него и Северной Индия) и Китая, не исключающей возможности появления здесь буддистов, бежавших с землей Среднеазиатского междуречья во время арабских завоеваний VIII в., и последующей исламизации этих земель». И далее: «А. Н. Бернштам проложил

новой или несколько завуалированной форме весьма характерна для тех, кто пишет об А. Н. Бернштаме сегодня. И... не во всех случаях справедлива. В том же сборнике «Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня», выпущенном Институтом истории НАН КР и Научно-пропагандистским координационным делом проектом «Мурас» есть еще и статья М. Кожобекова «Материалы А. Н. Бернштама в отделе рукописей и публикаций АН Кыргызской ССР». В этом отделе НАН КР хранятся 19 работ А. Н. Бернштама, среди которых есть и не опубликованные.

М. Кожобеков — противник излишне критических оценок в отношении научного наследия Александра Натановича. Приводит такой пример: в последнем издании «История Киргизской ССР (1984 г.) киргизы искусственно делаются на алтайско-арытских, переселившихся на Тянь-Шань, и енисейских, которые не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа и которые в результате составили этническую основу хакасской народности: «В то же время авторы этого труда не отрицают и роли центрально-азиатского и южносибирского этносов в формировании

т. д. научная школа, то есть направление, в данном случае — в истории или археологии, с определенными достижениями и традициями? Таковое не определялось. Хотя Александр Натанович оставил множество учеников. Один из них — академик Российской национальной академии наук, ведущий научный сотрудник русского Института материальной культуры Юрий Александрович Завнепровский, занятый в настоящее время раскопками древней цитадели неподалеку от Оша...

Попробуйте взять справку об А. Н. Бернштаме в историкографическом очерке или посвященной ему работе. И, если с научным наследием Александра Натановича знакомитесь впервые, то испытаете некоторую робость от впечатления раскрывшихся перед вами гор-

В науку А. Н. Бернштам, действительно входил резко, хотя и не сразу делом его жизни стали «археологические путешествия». Родился он в 1910 году в Керчи, в семнадцать лет стал студентом этнографического отделения географического факультета Ленинского университета, а в двадцать один год опубликовал уже на обширном фактическом материале работы «Жилище Крымского предгорья» и «Туркменский род и колхозы». В фотоархиве А. Н. Бернштама, который теперь хранится в Санкт-Петербурге, в Институте истории материальной культуры, на одном из снимков (1934 года) можно видеть его во время похода председателем Государственной Академии истории материальной культуры (так вначале назывался институт) Н. Я. Марра. шумная ре-

Отражемся от попытки охарактеризовать круг интересов А. Н. Бернштама в нескольких строках. Ему, например, принадлежала высказанная в свое время и столь блестяще осуществленная на наших глазах идея отметить грандиозный юбилей эпоса «Манас» (правда, ученый считал эпос на век «старше», чем принято теперь, предлагал отмечать 1100-летие). Он же был в числе первых исследователей этого эпоса как исторического источника. Им были рассмотрены такие проблемы, как время возникновения эпоса, поиск исторических прототипов Манаса и его сподвижников, объяснение имени Манаса и т. д. Современные исследователи отмечают, что не все высказанные им тогда выводы и догадки выдержали проверку временем. Архаичными по стилю и по

и последующей исламизации этих земель». И далее: «А. Н. Бернштам проложил путь для последующих исследователей средневековых памятников буддизма Средней Азии вообще и Смиречья в особенности. Отмечу, например, что оба буддийских храма на городище Красная Речка после довавшихся в 1950-х — 1980-х годах, были затрунуты раскопками экспедиций А. Н. Бернштама... 1940 г.»

С долей сожаления Б. Ставнянский пишет: «Как и другие лучшие представители первого поколения советских ученых — пионеров археологического изучения Средней Азии, А. Н. Бернштам нередко делал далеко идущие выводы на недостающем материале» (стр. 182—183 упомянувшегося здесь сборника).

Эта оценка в откровен-

отрицают и роли центрально-азиатского и южносибирского этносов в формировании современного киргизского народа».

По мнению автора этой статьи, «во всех изданиях «История Киргизской ССР», кроме первого тома (1956 г.), одним из авторов которого был А. Н. Бернштам, древняя и средневековая история киргизского народа почти не отражается».

М. Кожобенов предлагает последовать рукописным материалам ученого и приходит к мысли, что «изучение истории киргизского народа должно органически включать и анализ этнических процессов, происходящих в Центральной и Средней Азии».

Владимир МЯКИНИКОВ.
(Обозначение — автор)